

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'38

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>**В. В. Дементьев**
Саратов, Россия**Vadim V. Dementyev**
Saratov, Russia**Жанры в меняющемся мире: креационистские
потенции речевых жанров
и эпистемологические потенции теории
речевых жанров****Genres in Changing World: Creationistic
Potentials of Speech Genres and Epistemological
Potentials of the Theory of Speech Genres**

Статья посвящена речезанровым изменениям и речезанровой картине современности. Осмыслиются креационистские потенции речевых жанров: как жанры участвуют в создании этой картины в силу своих объективных природы и потенций, которые рассматриваются в статье через оппозиции, образованные парами противоположных взаимосвязанных тенденций: национально-специфическое ~ универсальное; лингвистическое ~ экстралингвистическое; «путь сверху» ~ «путь снизу»; развитие новых явлений на национальной (оригинальной) почве ~ заимствования. Формирование и изменения новых жанров анализируются через различные новые коммуникативные феномены (одни из них заимствуются, другие развиваются и складываются на оригинальной национально-культурной почве): в социальной жизни, институциональной коммуникации, частной жизни, межличностных отношениях, а также в художественном словесном творчестве, жанры которого традиционно наиболее изучены, в том числе со стороны их истории.

В качестве основы методики исследования предлагаются систематизированные положения, разработанные в рамках различных направлений современной теории речевых жанров, и параметры модели, по которой могут быть описаны наиболее критические события речезанровой современности (это становится возможным благодаря эпистемологическим потенциям теории речевых жанров).

Ключевые слова: речевые жанры, теория речевых жанров, речезанровая картина современности, заимствование речевых жанров.

The article is devoted to the changes of speech genres and speech genre picture of modernity. The creationistic potentials of speech genres are conceptualized: how genres are involved in the creation of this picture due to their objective nature and potentials, which are considered in the article through the oppositions formed by pairs of opposing, interconnected tendencies: national-specific ~ universal; linguistic ~ extralinguistic; “way from above” ~ “way from below”; development of new phenomena on the national (original) basis ~ borrowing. The formation and changes of new genres are analyzed through various new communicative phenomena (some of them are borrowed, others are developed and put together on the original national-cultural basis): in social life, institutional communication, private life, interpersonal relations, along with belles-letters, genres of which have been traditionally best studied, from the point of view of their history as well.

As a basis for the research methodology, the author offers systematized statements developed within the framework of various areas of the modern theory of speech genres and the parameters of the model, which can describe the most critical events of the rehearsing modernity (this becomes possible due to the epistemological potentials of the theory of speech genres).

Keywords: speech genres, theory of speech genres, speech genre picture of modernity, borrowing of speech genres.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

1. Постановка проблемы

Настоящая статья является продолжением статьи автора «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи» [1], которая была посвящена вопросу, как теория речевых жанров (ТРЖ) помогает описывать речевую картину современности – состояние речи, изменения, тенденции. В центре внимания, таким образом, были не столько жанры речи как таковые, сколько наука о жанрах. Обсуждались и систематизировались методы, используемые в различных направлениях ТРЖ для изучения РЖ разных типов (в том числе традиционных и новых жанров, развивающихся при участии различных факторов, соответствующих общим тенденциям в речи). Эти методы будут в основном использоваться и в настоящем исследовании – ниже они будут приведены в несколько сокращенном и конкретизированном в соответствии с новой задачей виде.

Настоящая статья тоже посвящена речевым изменениям и речевой картине современности, но в центр внимания ставится не наука о РЖ, а сами РЖ: как они в силу своих объективных природы и креационистских потенциалов участвуют и в этих изменениях, и в создании этой картины.

Для понимания изменений РЖ важно учитывать следующие оппозиции, образованные парами противоположных, но взаимосвязанных тенденций (они во многом близки к факторам языкового филогенеза, хорошо изученным в лингвистике): национально-специфическое ~ универсальное; лингвистическое ~ экстралингвистическое; «путь сверху» ~ «путь снизу»; развитие новых явлений на национальной (оригинальной) почве ~ заимствования.

Начнем с **лингвистического** аспекта. Как мы уже сказали, у изменения / развития системы жанров в речевой культуре есть общее с изменениями / развитием языка, а значит, нам целесообразно опираться на достижения лингвистики в изучении этих изменений / развития: теории диахронических универсалий, теории неологизмов, теории заимствований и лингвистической интерференции и т. п. [2, 3].

При этом могут быть выделены:

1) **«путь снизу»**, который был отмечен еще Соссюром, утверждавшим, что «исторически акт речи предшествует языку» [4: 57]). Для нас важно мнение М. М. Бахтина, которое можно понимать как дополнение к этому положению Соссюра: языковой системности предшествует опыт практической коммуникации, а тем самым – системность речевая, речежанровая: «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в

систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» [5: 165].

И Соссюр, и Бахтин имели в виду развитие речи / языка **на национальной (оригинальной) почве**.

Специалисты по языковым заимствованиям тоже рассматривают со своей точки зрения «путь снизу» в развитии языка, при этом выделяют три стадии: 1) заимствования, 2) интерференцию (накопившееся большое количество заимствований приводит к более существенным качественным изменениям в системе), 3) закрепление изменений в системе языка.

Подобно тому как в теории неологизмов / неологии противопоставляются *номинативы*, обозначающие новые появившиеся и впервые осмысленные реалии и понятия, и *трансноминативы*, обозначающие реалии, уже известные ранее, но под другим наименованием [6, 7: 13–15, 8], – в ТРЖ могут быть противопоставлены 1) РЖ, возникшие на принципиально новой коммуникативной, культурной, ситуационной почве, например, вызванные к жизни новыми техническими возможностями или, наоборот, ограничениями: жанры интернет-общения, чрезвычайно разнообразные (среди них есть и ритуализованные: от элементарных «лайков» до весьма сложных онлайн-игр, – и неформальные наподобие чата и «каментов» на форумах и в блогах), SMS-общение, а также заполнение различных онлайн-заявок и анкет (от элементарной покупки товаров в интернет-магазинах до подписания протестных петиций); 2) новые жанры, не вызванные такими новациями (здесь вопрос, а почему же появились эти жанры, конечно, гораздо менее очевиден): собеседование / интервью при приеме на работу, реалити-шоу и ток-шоу на ТВ, неформальное общение в фитнес-клубе, разбирательства водителей при ДТП;

2) **«путь сверху»**: развитие нового в РЖ (как и нового в языке) производно от более общих изменений культуры, таких как смена социальных формаций, господствующей идеологии, эволюция государственных структур, основные тенденции в обществе.

В социолингвистике традиционно хорошо изучен вопрос о том, как изменения в обществе влияют на язык. Следует отметить, что уже в первых работах, посвященных языку Великой французской буржуазной революции, было показано, что меняются вначале представления о речи, которая считается «хорошей», образцовой, а уже потом изменения затрагивают язык (для французского языка до конца XVIII в. образцовым был манерный, «куртуазный» язык Версаля, после революции

же происходит демократизация и закрепление в языке большого количества простонародных форм) [9].

Таким образом, последовательное рассмотрение «пути сверху» ставит в центр внимания не собственно лингвистический, а **экстралингвистический** аспект, точнее, экстралингвистические факторы, действие которых может приводить к 1) появлению новых РЖ и 2) новым особенностям традиционных РЖ и их трансформации.

Первый аспект наиболее очевиден тогда, когда целые сферы коммуникации, в которых формируются соответствующие РЖ, тоже являются новыми – в глобальном масштабе (например, Интернет) или региональном (ср. формирование или возрождение в посткоммунистических России и бывших странах соцлагеря ряда новых и «хорошо забытых старых» сфер и жанров, присущих капиталистическому обществу, таких как, например, биржевые новости, большинство рекламных жанров, жанры корпоративной коммуникации, интервью топ-менеджеров [10]).

Второй аспект составляют иногда довольно тонкие особенности структуры и функционирования РЖ, видоизменяющихся под действием внешних факторов – ср., например, исследования «вербальных дуэлей» у афроамериканской городской молодежи, которые проводил еще в 1970-е гг. Р. Абрахамс [11], исследования по коммуникативной компетенции современной городской российской молодежи, которые осуществляются в Саратове [12]. Такие видоизменения традиционных РЖ могут затрагивать в них, собственно, лингвистические аспекты, например синтаксис, лексическую семантику (ср. новое значение *интервью* ‘собеседование при приеме на работу’ из *job interview*); стилистический аспект (*научный стиль* становится более свободным, по крайней мере, в немаленькой части гуманитарных наук); иллокутивный аспект (см. ниже о прагматике современного *интернет-флирта*) (подробнее см.: [1: 80]).

Что же касается заимствования экстралингвистических факторов, значимых для речевой картины и ее изменений, к наиболее заметным тенденциям относится **глобализация**.

Глобализация приводит к тому, что, с одной стороны, процессы, выявленные для новых РЖ в одной культуре (например русской), часто имеют более универсальный характер, чем это было (и могло быть) несколько десятилетий назад. С другой стороны, на первый план вновь (как и в другие динамичные эпохи, такие как Петровская и послереволюционная эпохи в России / СССР или «постсамурайская» в Японии XIX в.) закономерно выходят проблемы **заимствования** жанров, перенесения их из одной национальной речевой культуры в другую (в большинстве случаев в результате на новой национальной почве развиваются новые жанры), соответственно – проблемы речевой лакунарности, безэквивалентности и т. д., которые пока и для глобальной картины, и для отдельных культур получили в луч-

шем случае лишь начальное осмысление (например, в [13–16]).

И для первого, и для второго аспектов глобализации в современной коммуникации очевидно большую роль играет развившийся за последнее десятилетие-полтора Интернет: подчеркнем, что все основные интернет-жанры (*блог, форум, чат, интернет-энциклопедия*) являются универсальными и несомненно имеют гораздо больше общего в разных культурах / языках с точки зрения своей речевой структуры, чем различий. При этом все они изначально осуществлялись на английском языке, отсюда большое количество англицизмов (или универсализмов на базе английского языка) в общении в рамках данных жанров на других языках.

Конечно, стремление к унификации, жанровые заимствования, особенно активизировавшиеся в мире примерно в это же время, характерны и для неинтернет-коммуникации. Подобный опыт очень богат у Европы: несомненно, языковые структуры широко известных лингва-франка, пиджинов складывались на основе отработанных речевых практик, т. е. РЖ (прежде всего, в сфере торговли, но не только), однако информации о тех средневековых жанрах, как и коммуникации людей в целом, сохранилось очень мало. Значительно благоприятнее для жанроведа современная ситуация. Так, в странах Евросоюза в непосредственное устное общение ежедневно вступают миллионы носителей разных языков / «речевых компетенций». В результате происходит не только взаимообмен жанрами, но и формирование новых РЖ, которые еще только начинают изучаться. Ср. исследование А. Мустайоки, посвященное новому, с его точки зрения, жанру в странах Евросоюза – *международной конференции на английском лингва-франка*: конференция проводится обычно в другой стране, большинство участников говорят не на родном языке, при этом использование лингва-франка добавляет парадоксальную особенность общению: люди понимают друг друга не хуже, а лучше, чем в естественных условиях [17]. Добавим, что подобный жанр, конечно, можно представить и в России, но все же труднее, чем в Хельсинки, где, в свою очередь, он практически невозможен на финском языке (тогда как международная конференция в Москве и даже вне России на русском лингва-франка – распространенное явление, хотя сейчас и меньше, чем лет 30–40 назад).

Заимствования РЖ, обусловленные глобализацией или ее аналогами, – далеко не новое явление, и в лингвистике (а также культурологии, социологии, философии) такие жанры неоднократно рассматривались. Ср. такой жанр неофициального публичного фатического общения представителей привилегированного класса, как *светская беседа* (подробнее см.: [1: 84–85, 86; 15, 18, 19]).

По понятным причинам при изучении тенденций в коммуникации особую значимость приобретают изменения и тенденции в молодежной среде. Много информации здесь могут дать социальные исследования, опросы, проводимые специалистами.

Ср. исследование, проведенное Сбербанком совместно с агентством Validata в 2016 г., целью которого было выявить новые ценностные ориентиры и приоритеты, изменения в профессиональной и коммуникативной компетенции, лидерские качества и т. д. современного «поколения Z», т. е. 15–20-летних, в России (в Москве, Саратове и Барнауле). К самым показательным выявленным результатам относят то, что «онлайн формирует реальность, а не наоборот», молодые лучше воспринимают информацию, представленную кратко и наглядно (средний период концентрации – восемь секунд), а иконки и смайлики всё чаще заменяют текст. Тренды меняются очень быстро, долгосрочные привязанности отсутствуют даже в музыке и кино, ярко выраженных субкультур больше нет. С родителями у «поколения Z» сформировались партнерские, свободные отношения – старшее поколение их чаще хвалит, чем ругает, а сами подростки всё меньше критикуют родителей. Однако взрослые не являются абсолютным авторитетом, так как дети превосходят их во многих навыках. При этом родители часто берут на себя все бытовые обязанности, и у молодежи отсутствуют навыки решения проблем в реальной жизни. Современные молодые люди не любят и не могут быть одни, стремятся к популярности и больше всего ценят качества, которые помогают им общаться. При этом «каждый уверен в собственной исключительности и единым поколением с друзьями себя не считает» (Известия, 29.03.2017, <http://izvestia.ru/news/674268>).

Сейчас активно идет формирование большого количества новых коммуникативных феноменов (одни из них заимствуются, хотя «чистого», механического перенесения всех форм, тем более содержания, на чужую культуру никогда не происходит; другие развиваются и складываются на своей, оригинальной национально-культурной почве) (см. об этом, например: [10, 12, 16, 17, 20–29]; о состоянии лингвистики и ее готовности воспринимать и изучать эти новые коммуникативные феномены, в том числе с лингворечежанровых позиций, см.: [30–42]):

- в **социальной жизни**, институциональной коммуникации (там новое более очевидно, но не всегда в такой степени и столь непосредственно коммуникативно):
 - производстве, бизнесе (например новые способы организации производства (и новые отрасли производства) и новые формы ведения бизнеса, включая иерархические и неиерархические отношения в них, правовое регулирование и т. д.) [43–45];
 - науке, образовании (интерактивные классы и семинары, онлайн-конференции и т. д. – многие эти феномены имеют выраженную речежанровую природу и в этом качестве активно изучаются (см., например, [46–49]);
 - рекламе (само понятие рекламы и ее отдельных аспектов в современной «капиталистической» российской действительности тоже новое (или «забытое старое»), в то же время реклама,

- выводящая на более общие вопросы сферы торговли и потребления в целом, позволяет дать достаточно объективное представление наиболее характерных способов передачи и восприятия информации, как и способов повышения ее ответственности (с лингвистической точки зрения активно задействуются и прецедентность, и лингвокреативность, и отчасти словотворчество), отсюда такие новые социальные и коммуникативные феномены, имеющие речежанровое содержание, как *скрытая реклама, джинсы*) [50];
- политкоммуникации (изменения здесь особенно, конечно, стремительны и масштабны, причем меняются не только политические идеи, движения, партии и т. п., но и многие структурно-коммуникативные феномены). Речежанровый аспект политической коммуникации в целом, изменения РЖ активно изучаются [51–56];
- СМИ, особенно ТВ, где за последние 20–25 лет появилось огромное количество и новых жанров телепередач (многие из них являются заимствованными), и более общих тенденций коммуникации (демократизация, снятие прежних ограничений и запретов, «рейтинговость» и ее современная онлайн-разновидность «лайкоцентризм») (*теледебаты, ток-шоу, реалити-шоу*) [57, 58];
 - в **частной жизни**, межличностных отношениях (сюда относится и большая часть современной интернет-коммуникации и ее жанров) [29, 48, 59–61]:
 - появляются новые коммуникативные формы, новые социальные роли и названия для них, в том числе оценочные (*бизнесмен, блогер, колунист, олигарх, эффективный менеджер*); отношения, приоритеты и ценностные ориентиры, обуславливающие новые системы оценки (*мессидж, харизма, пиар, уважение*);
 - новые коммуникативные действия (*троллить, лайкать*) и отношения (иерархические и неиерархические) (*за-/расфрендить, фолловер, френдлента, крышевать, кошмарить*);
 - основанные на коммуникации характеристики человека (*успешный, неуспешный, амбициозный, перфекционист, мачо, грантоед*);
 - основанные на коммуникации мемы (*вежливые люди*).

Об Интернете и его жанрах межличностной коммуникации, таких как *блог, форум, чат* и др., следует сказать особо, тем более что специфика таких РЖ, по сравнению с традиционными РЖ, подчас чрезвычайно велика, они активно изучаются, но было бы большим преувеличением говорить, что эти речежанровые феномены удовлетворительно осмыслены или что соответствующий раздел ТРЖ удовлетворительно разработан: пока что можно говорить о весьма интересных и несистематических исследованиях, содержащих скорее предварительные выводы и соображения [48, 61–67].

Сюда же следует отнести огромное количество **технических** прямо или опосредованно коммуника-

тивных приспособлений, бытовой техники, одежды (как специальной, форменной, так и неспециальной), аксессуаров и т. д. Например, опосредованно коммуникативным приспособлением может быть не только смартфон, монитор и телекамера в скайпе, наушники, но и такие вещи, как «фенечки» (актуальные для различных ролевиков и представителей других, менее формализованных сообществ), пирсинг, тату-машинка или даже кофеварочная машина, самокат и роликовые коньки.

- в **игровой коммуникации** появляются новые игры и их правила (во многом пересекающиеся с жаргонами социальных сообществ ролевиков: *квест, имиджборд, флешмоб* [68]).

В западной лингвистике, теории коммуникации, теории игр ряд исследований был посвящен:

- правилам онлайн-игр и видеоигр (иногда) формируемым в результате коммуникативно-речевым практикам и даже нормам [69–76];

- складывающимся отношениям и ролям участников онлайн-игр и видеоигр, включая аспекты цифровизации и формализации интерактивных и скриптовых взаимодействий и социальный символизм, разговоры, взаимопонимание и конфликты игроков, функции коммуникации в многопользовательских ролевых играх, социальные идентичности в виртуальных мирах, личности и сообщества, фэндомы [69, 70, 72, 77];

- психологическим особенностям участников онлайн-игр и видеоигр, их мотивации и т. д. [71, 78–80]

- нарративным, сюжетным и собственно текстовым аспектам онлайн-игр и видеоигр [70, 72];

- собственно языковым феноменам в онлайн-играх и видеоиграх: анализ английского языка как лингва-франка в видеоиграх и перевод видеоигр, креативные действия и юмор (включая языковую игру), их перевод [81–83];

- более общим вопросом: социальному и культурному значению онлайн-игр и видеоигр, компьютерам в индустрии развлечений, философии онлайн-игр и видеоигр [80, 84–92].

- Наконец, в **художественном словесном творчестве**, жанры которого традиционно наиболее изучены, в том числе со стороны их истории [93, 94], но, думается, еще недостаточно осмыслены по отношению к реалиям XXI в., которые значимы и для нехудожественной, и для художественной коммуникации: во-первых, в произведениях они получают непосредственное отражение; во-вторых, могут влиять на качества художественного текста более непосредственно – ср. роман Б. Акунина «Квест», где повествование постоянно прерывается тестовыми вопросами с последующими отсылками к разным страницам; произведение читается с начала и с конца («книга-перевертыш») и имеет несколько вариантов и сюжета, и финала; иллюстрации к роману названы «скриншотами» и т. д. – см. об этих проблемах [95, 96].

О современной «интернет-литературе», «интернет-критике» и их жанрах см. [97].

Именно из художественной литературы взяты все примеры для анализа в настоящей статье.

Ключевой для нас вопрос здесь, конечно: какое участие в формировании и закреплении всего этого нового принимают жанры?

Интуитивно просится вполне однозначный ответ: огромное, и важное, и эффективное, но вот какое именно, особенно в лингвистическом, коммуникативном и текстовом аспектах, еще далеко не до конца ясно.

Отвечать на этот вопрос, тем не менее, надо, и для правильного ответа нужны жанроведческие знания, которые, кстати, в идеале позволяют отвечать не только на «как-вопросы», но и «почему-вопросы» о жанрах.

В частности, на вопрос: почему участие жанров в формировании и закреплении нового в языке и речи является эффективным? – ТРЖ дает ответ: так как в этом принимают участие жанры, которые сами являются отчасти новыми (см. выше), а главное – служат мостком от непосредственной коммуникации (психологических и коммуникативных целей и мотивов участников коммуникации, их состояний, ориентиров, как ситуационных, так и постоянных) к настоящей, т. е. языковой, системности (данная системность может быть и в литературном языке, и в нелитературных стратах). (Об отражении в языке и РЖ, и других феноменов речевой системности / речежаровых цепочек см. в [95, 98].) (Вспомним новые коммуникативные феномены, большое количество которых было названо в этом параграфе: «лайкание», *SMS-сообщения, блог, форум, чат, «каменты» на форумах и в блогах, интернет-энциклопедия, международная конференция на английском лингва-франка, онлайн-конференции, интерактивные классы и семинары, теледебаты, ток-шоу, реалити-шоу, онлайн-игры и видеоигры, заполнение онлайн-заявок и анкет, подписание протестных петиций, неформальное общение в фитнес-клубе, разбирательства водителей при ДТП, жанры корпоративной коммуникации, интервью топ-менеджеров, job interview* и т. д. – эффективно связать если не все, то большинство друг с другом и с языком помогают именно жанры речи.)

2. Методы

И реконструкция «речежанровой картины современности» в целом, и осмысление изменений в отдельных жанрах должны опираться на ряд **положений**, разработанных в рамках различных направлений современной ТРЖ (по некоторым из проблем осуществлены специальные исследования, включая монографии, диссертации, специальные выпуски сборника

«Жанры речи»). В упомянутой статье автора «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи», посвященной речезанровому представлению картины современности, обсуждалось то, с какими объективными и субъективными теоретическими и методическими трудностями сталкивается теория речевых жанров, описывая речевые изменения в мире.

- Набор (система) жанров, существующих в данной культуре в данный период, является важнейшей частью своеобразия данной культуры, данного коммуникативного пространства, речи и языка (и их отдельных сфер, таких как повседневное общение, научное, деловое, сфера политики, рекламы и т. п.).

- Данный набор обусловлен общим состоянием культуры и ее составляющих, где важнейшими являются социальные факторы (структура общества, социальные институты, коммуникативные ценности и представления о допустимом и недопустимом, «хорошем» и «плохом» в общественном поведении, официальных и межличностных отношениях), а также, так сказать, социальное преломление всех остальных факторов (экономики, технологии, маркетинга).

- Трансформации РЖ, вызванные появлением новых сфер, условий и средств коммуникации, идут по законам *речезанровой вторичности*, впервые описанным М. М. Бахтиным [5: 161–170]. На этом основании, в частности, строится большинство современных классификаций вторичных РЖ (см. обзор в [99: 164–184]), например, выделяется *диахроническая речезанровая вторичность*, предполагающая отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами (противопоставление *речевых* и *риторических, прямых* и *косвенных, выучиваемых* и *невывучиваемых жанров*), и *синхроническая* (противопоставление речевых единиц разных уровней абстракции, таких как, например, *речевой акт, субжанр, жанр, гипержанр*). Такой подход позволяет точнее понять целый ряд речезанровых явлений начала XXI в. (например интернет-жанры, появление которых, казалось бы, никак не мог предвидеть Бахтин [100–102]).

- Набор новых РЖ, составляющих своеобразие новых периодов, может пополняться за счет *заимствований* из других культур [13, 16, 18, 19, 93]. Значимыми являются взаимные отношения между культурами, тенденции к одностороннему или двустороннему влиянию; для настоящего периода, несомненно, одной из наиболее существенных особенностей является глобализация.

- Одним из наиболее значимых является *социальный фактор*, с которым часто связан фактор *аксиологический*: владение / невладение определенными жанрами, как и само использование того или иного жанра, может выступать в качестве оценочной характеристики как в национально-культурном, так и более частном внутрикультурном или групповом плане, «есть жанры, существование которых в рамках одного языкового сознания взаимоисключает друг друга» [103: 31]. В качестве примера можно привести русский *разговор по душам*, невладение которым,

неспособность «открыть душу» в традиционной русской культуре является отрицательной нравственной характеристикой (ср. типаж *обыватель*, впервые описанный А. П. Чеховым), или польский *kawał* («Жанр *kawał*, представляющий собой тип “конспиративной шутки”», ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения, которое он дает, подразумевается: я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [104: 150]). [1: 81–82].

Выделенные на основе этих положений конкретные **параметры модели**, по которой могут быть описаны наиболее критические события речезанровой современности, тоже были в основном перечислены в статье «Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи». Все они являются значимыми при исследовании «меняющихся жанров в меняющемся мире»:

- *предмет речи*, в том числе прагматические диалогизированные аспекты его: что именно, с какой целью, в каком контексте, с какой оценкой сообщают друг другу собеседники в рамках того или иного речевого жанра («тема РЖ» по Бахтину);

- *стиль* (шире – коммуникативная тональность, где особенно важна степень серьезности), куда входит тоже не только экспрессия как таковая, но и ее, так сказать, прагматика («стиль РЖ» по Бахтину);

- *лексика*: наименования жанров и их компонентов, семантическая структура данных номинаций (включая их этимологию, а также метафоры, которые особенно значимы в случае вторичных РЖ); это то «имя жанра», которое «первым приходит в голову» при опознавании типа диалогического взаимодействия, а также ключевые слова и фразы в речи, по которым тоже осуществляется идентификация;

- особенности *синтаксической структуры*, которые еще важнее, чем конкретное лексическое наполнение, для опознавания и интерпретации РЖ (так считал и М. М. Бахтин – ср. его понятие «композиции РЖ»);

- *целеполагание*: идентификация и характеристика РЖ, социально-ролевой структуры и контекста на иллюкативно-целевой основе;

- отношения речезанровой *первичности-вторичности*, включая отношения традиционных и новых, «техногенно обусловленных» жанров;

- *социальный фактор* и связанный с ним *аксиологический*;

- общая *внешнекультурная* и *внутрикультурная парадигма* (включая языковую политику, моменты глобализации или, наоборот, изоляции), а также основные *коммуникативные сферы*, где роль речевых жанров для данного периода является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров, – сферы устной и письменной речи, публицистики / СМИ (Интернет) и т. д.;

- отдельные *источники материала*: так, текстовая часть материала может быть отображена и обработана при помощи новейших технологических возможностей – *корпусных баз данных* и методов *корпусной лингвистики*.

Как следует относиться к этому списку параметров, если на повестке дня конкретное исследование – с конкретным языковым / речевым материалом, для конкретного жанра, конкретной сферы коммуникации, где все эти параметры могут не быть актуальны? Конечно же, как к полезной, но – абстракции, идеалу, по отношению к которому любая исследовательская практика – лишь попытка приближения. Поскольку ни одно реальное исследование не способно обеспечить равномерной проработки всех параметров, в каждом конкретном случае (включая, конечно, настоящий начальный опыт исследования) должны быть оговорены, во-первых, объем материала и конкретный аспект рассмотрения, во-вторых – отношение самих этих параметров к конкретной цели данного исследования. Так, данные параметры могут быть в разной степени актуальны для представления разных периодов и разных культур: например, для настоящего периода особенно актуальны глобализация, интернет-сфера общения, а с методологической точки зрения – появление корпусов. При этом развиваемая концепция, по нашему замыслу, позволяет сочетать построение уточненной речевой картины современности с более общим подходом, основанным на методологической модели, параметры которой дают возможность описывать и другие периоды; в то же время мы допускаем, что модель может хуже работать для других эпох: так, с трудом можем себе представить, чтобы, например, американские лингвисты рубежа XIX–XX вв. при помощи данной речевой модели составляли адекватные речевые картины индейских народов и племен, для изучения которых в указанный период создалась школа культурной антропологии. У предлагаемой модели обнаруживается еще одно ограничение: по замыслу, выделяемые в ней параметры должны адекватно представить важнейшие речевые особенности любой современности (например, в прошлом: современности Пушкина или Шекспира), однако на практике она преимущественно обращена к будущей или, точнее, новой современности, для осмысления которой используется сравнение с предыдущими (при этом предполагается, что эти предыдущие периоды уже достаточно хорошо осмыслены с речевой точки зрения). Именно поэтому, например, описание жанров Интернета предлагается осуществлять с опорой на понятие вторичного жанра, используя сравнение с первичными, т. е. традиционными, неинтернет-жанрами, которые, конечно, гораздо лучше изучены, а изучение лексики – имен РЖ (в том числе имен интернет-жанров) – с опорой на этимологию.

Как уже было сказано, для поставленной задачи-максимум – реконструкции речевой картины современности – полезны, в той или иной степени, все методы, приведенные здесь. Для настоящего начального исследования будут значимы **лексический** аспект и выделение наиболее критических, с точки зрения изменений и тенденций, **сфер**.

3. Лексика

Проникновение нового в язык через РЖ осуществляется через названия РЖ и их компонентов, т. е. на лексическом уровне. Это наиболее очевидный, но далеко не достаточный аспект («вершина айсберга»).

В целом в лингвистике стало общепринятым положением (новейший период практически не добавил чего-то принципиально нового к этому положению), что язык реагирует на изменения жизни, прежде всего, своей лексической стороной (слова, особенно оценочные, для наименования новых явлений), но не только: появляются новые словообразовательные модели (для образования лексем, тоже прежде всего оценочных, – ср. суффикс *-лово* для образования отглагольных существительных в русских жаргонах: *мочилово, гасилово, кидалово*); могут появиться новые этикетные формы, отражающие новые отношения, приоритеты и представления о норме и образце, связанные с вежливостью, уважением, статусом, достоинством и т. д., которые тоже могут закрепляться в языке, и т. д.

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что за любым неологизмом, обозначающим новое явление, стоит определенный РЖ, через который данное слово и вошло в язык. Но за новым коммуникативным явлением – видимо, всегда: или собственно жанр, или какое-то промежуточное явление с потенциями стереотипизации и конвенционализации из околжанрового пространства речи. Добавим, что распределение жанров на сферы не всегда совпадает с распределением на сферы самой действительности; даже распределение жанров на первичные и вторичные не всегда совпадает с распределением речевой коммуникации на такие сферы, как повседневная бытовая непосредственная и идеологически-социально-культурно опосредованные... (таблица).

Иногда эти слова – сами названия жанров (*блог*) или жанроподобных явлений (*флеш-моб*), иногда производящей основой является другое звено цепочки, представляющей компоненты коммуникативного концепта.

В ряде перечисленных в параграфе 1 сфер, особенно новых технических, очень показательно появление неологизмов, – лексем для

Сфера	Слово (неологизм)	Из каких жанров вошло в язык:	
		первичных	вторичных
Политическая коммуникация	<i>либераст</i>	√	
	<i>ватник</i>	√	
	<i>харизма</i>		√
СМИ	<i>колумнист</i>		√
	<i>мессидж</i>		√
Интернет	<i>блогер</i>		√
	<i>троллить</i>	√	
	<i>лайкать</i>	√	
	<i>расфрендить</i>	√	
Производственная и официально-деловая сфера	<i>успешный, неуспешный</i>	√	
	<i>креативный</i>		√
	<i>амбициозный</i>		√
	<i>перфекционист</i>		√
Бизнес	<i>олигарх</i>		√
	<i>эффективный менеджер</i>		√
	<i>крышевать</i>	√	
Бытовая сфера	<i>флешмоб, респект и уважуха</i>	√	

их наименования (*ток-шоу, реалити-шоу, блогер, пиар, пиарщик, креативщик, криэйтор, рекламщик, лайкать, флешмоб*). В большинстве случаев это заимствования, но не только; одни из них вошли в литературный язык, другие нет, одни являются общеязыковыми, другие принадлежат специальным жаргонам и / или терминосистемам.

Из теории и методики когнитивной семантики нами была заимствована идея, что (1) структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть *коммуникативные концепты* (далее – $K_{ом}K$): данные структуры и упорядочение существуют в сознании носителей языка; при этом (2) как и для всех концептов, для коммуникативных концептов очень большое значение имеют лексемы – имена для них и для их компонентов. Мы исходим из того, что данные лексемы упорядочены по стандартной схеме, которую предлагаем рассматривать как *цепочку речежанровой системности* и анализировать по ряду параметров, значимых как прагматически (иллокутивно), так и лексикологически и отчасти грамматически.

$K_{ом}K$ – это концепты, имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры [99: 248–258; 98].

$K_{ом}K$ составляет цепочка речежанровой системности «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр».

Ее лексическое наполнение характеризуется однородностью и относительной системностью: данные лексемы называют речевые единицы одного уровня, объединенные одной содержательной, в плане коммуникативно-речевой организации, речежанровой

доминантой (а не единицы разных уровней, такие как, например, «жанр ~ стратегия»).

Ср.: есть РЖ *вопрос* ~ есть речевое действие *спросить / спрашивать, задать вопрос* и подоб. ~ есть вопросительная коммуникативная тональность (здесь лексему подобрать труднее, но возможны и естественны описания в рефлексии / метавысказываниях: *с вопросительной интонацией, как бы вопрошая...*).

Еще один пример: действия *иронизировать / сыронизировать* ~ тональность (ее именуют, по всей видимости, наречия) *иронично / иронически...* ~ жанр (здесь сложности возникают как раз с заполнением жанра: *?ироническое высказывание...*, но жанр ли это? Возможно, правильнее говорить просто: *ирония?* (ср.: [105])).

Можно добавить лексемы, именующие коммуникативную роль / типаж, организованные тоже этим жанром: для иронии это *ироник* (словари дают этот термин, хотя он не относится к распространенным и употребительным в речи), совсем трудно – для вопроса: *?спрашивающий, ?(профессиональный) интервьюер, ?любопытный, ?почемучка...*

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (такие ситуации редки, особенно в случае заимствованных концептов). Из приведенных примеров видно, что заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $K_{ом}K$ на первый план может выходить *речежанровая* типизация, *действие* (коммуникативные и речевые акты), *процессуальность* (коммуникативные и речевые события и сложные события), *манера поведения, роль* в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или игровой) или сам социальный тип (точнее, его ком-

муникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных K_{omK} на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих K_{omK} , а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, г) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционным словообразовательным моделям; е) заимствования.

В этом ряду безусловно занимают особое место и требуют особого подхода оценочные слова (особенно показательны оценочные лексемы, имеющие неоченочные синонимы – ср. [106]): представляя собой особенно яркие, а значит, важные звенья цепочек речевых системности, они составляют немаленькую дополнительную сложность для анализа, поскольку нередко называют вообще не речевые феномены (и не коммуникативные): как уже было сказано, оценочность в них препятствует выражению темпоральности, значимой для коммуникативных единиц.

При рассмотрении оценочных цепочек (или оценочных звеньев неоченочных цепочек) наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна (причем эта оценочность может быть двух разных типов: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво, злорадно, гнусно...*)).

Можно сделать предварительный вывод, что жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) = оценка самого жанра (прежде всего, «извне») (*донос, лесть, похвальба*);

2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;

б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

Наличие и конкретные значения неологизмов, именуемых компонентами K_{omK} , проверялись путем анкетирования: 100 современным молодым людям ок. 20 лет предлагались вопросы: 1) *Понимаете ли Вы значение следующих слов? Оцените их нормальность и естественность по пятибалльной шкале (имиджборд, имиджбордщик, стритрейсинг, спид-дейтинг, смолтокер, камингаутер, фейсбучиться, фейсбукичик, инстаграмить, инстаграмичик, твиттерчик, игнорчик, флудчик, комплиментинг, флиртинг, статуситься и т. п.);* 2) *Прочитайте слова, расположенные по схеме «имя жанра речи – глагол (имя акта речи или процесса) – название роли / типажа и т. п.». Какие «звенья» этих цепочек являются лишними? Какие являются главными или основными? (цепочки: троллинг ~ троллить ~ тролль; промоушен ~ промоутинг ~ промоутер; корпоратив ~ корпоративить ~ корпоративиться ~ копоративчик; чат ~ чатиться ~ чатнуться ~ чаттинг ~ чаттер ~ чатланин; форум ~ форумить ~ форуминг ~ форумчанин ~ аскер; блог ~ блогик ~ блогить ~ блогинг ~ блогер; фейсбук ~ фейсбучик ~ фейсбучить ~ фейсбучиться ~ фейсбучинг ~ фейсбучицик; инстаграм ~ инстаграмить ~ инстаграмиться ~ инстаграминг ~ инстаграмицик; игнор ~ игнорить ~ игноринг ~ игнорчик; флуд ~ флудить ~ флудинг ~ флудчик ~ флудильчик; твиттер ~ твитнуть ~ твититься ~ твитинг ~ твиттерчик; имиджборд ~ имиджбординг ~ имиджбордчик; статус ~ статуситься ~ статусинг и т. п.) и др.*

Анкетирование выявило некоторые детали конкретного **языкового оформления** цепочки «жанр ~ тональность»: на первый план выходили однословные названия – существительные и глаголы; прилагательные, и особенно наречия, встречались в ответах очень редко (очевидна их маркированность): «действие / РА (глагол) ~ имя жанра (существительное) ~ тональность: 1) характеристика жанра (существительного ⇒ прилагательное), 2) характеристика действия / РА (глагола ⇒ наречие)».

Заключение

Как было установлено уже первыми постструктуралистами (Ш. Балли, Э. Бенвенист, С. Карцевский), асимметрия языка (системы и отдельного языкового знака), являющаяся одним из наиболее фундаментальных его свойств, есть свойство системы, приводящее к изменению, т. е. разрушению, этой самой системы (выражаясь метафорически, заложенная в фундамент здания бомба, являющаяся в то же время неотъемлемой структурной частью этого самого здания). Вся вторая половина XX в. в лингвистике прошла под знаком выявления и исследования этих «саморазрушительных», т. е. асимметричных, свойств языка на разных

уровнях: лексики и семантики (метафорология, изучение лингвокреативности, стилистика художественной речи и изучение художественной речи в целом), морфологии, синтаксиса, позднее – прагматики (теория косвенных речевых актов). Обращение к жанрам (80–90-е гг. XX в.) позволило значительно уточнить понимание данного явления: жанры (разные, но иногда и одни и те же) могут быть и источником речевой системности, и источником ее вариативности, т. е. расшатывания и разрушения системы. В этом отношении проблема креационистских потенциалов речевых жанров (а это и есть содержащиеся в природе РЖ факторы речевых изменений) является значимой не только для ТРЖ, но и для теоретической лингвистики в целом.

Главную ценность статьи мы видим в постановке проблемы и формулировании наиболее принципиальных вопросов и обсуждении комплексной (речезанровой и лингвистической, лингворечезанровой) методики, где самых больших результатов ожидаем от проработки аспекта речезанровой вторичности (включая изучение лексем для номинации вторичных жанров и их отдельных компонентов и аспектов, таких как оценка) применительно к новым речевым феноменам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
2. Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. Языковые контакты. 536 с.
3. Баранникова Л. И. О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // Язык и общество. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. Вып. 11. С. 3–6.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. С. 159–206.
6. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е гг. XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
7. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 354 с.
8. Milroy J. Linguistic variation and change: On the hist. linguistics of English. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. 243 p.
9. Лафарг П. Язык и революция. М.; Л.: Academia, 1930. 74 с.
10. Ратмайр Р. Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013. 456 с. (Studia philologica).
11. Abrahams R. D. Black Talking on the Streets. Explorations in the Ethnography of Speaking. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations. N. Y.: Cambridge University Press, 1974. P. 240–262.
12. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
13. Аверинцев С. С. Историческая подвижность категорий жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 104–116.
14. Hanks W. F. Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan // Les Rituels du Dialogue / eds. A. Monod Becquelin, Philippe Erikson. Nanterre: Société d' Ethnologie, 2000. P. 235–254.
15. Фенина В. В. Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 170 с.
16. Алпатов В. М. Заимствования из английского языка и жанровые особенности в японском языке // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 345–351.
17. Mustajoki A. Title Risks of miscommunication in various speech genres // Understanding by Communication / eds. E. Borisova, O. Souleimanova. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 33–53.
18. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994. 558 с.
19. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
20. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. Волгоград: Парадигма, 2012. 448 с.
21. Карасик В. И. Языковое проявление личности. Волгоград: Парадигма, 2014. 450 с.
22. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 342 с.
23. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2010. 496 с. (Studia philologica).
24. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
25. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.
26. Склярёвская Г. Н. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М.: Астрель, 2001. 944 с.
27. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. 712 с.
28. Gatunki mowy i ich ewolucja / pod red. Danuty Ostaszewskiej. T. 1. Mowy piękno wielorakie. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. Tekst a gatunek. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. Tekst a odmiany funkcjonalne. Katowice: Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.
29. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet, 2007. № 4. Article 1. Retrieved April 26, 2009. URL: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>.
30. Алпатов В. М. О двух «детских болезнях» современной лингвистики (язык, идеология, речевые жанры) // Жанры речи. 2014. № 1–2(9–10). С. 9–15.

31. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и язык»: жанры речи и... «язык речи»? // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 5–22.
32. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2013. 338 с. (Studia philologica).
33. Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики: корпусные подходы. Хельсинки: Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7–24.
34. Шерстяных И. В. Теория речевых жанров: Лекционно-практический курс для магистрантов. М.: Флинта; Наука, 2013. 552 с.
35. Adamzik K. Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie. Münster: Nodus Publ., 1995. 301 s. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
36. Automatic Genre Identification 2009 – Journal for Language Technology and Computational Linguistics. 2009. Vol. 24, № 1. Automatic Genre Identification: Issues and Prospects.
37. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. L.: Longman, 1993. 246 p.
38. Bhatia V. K. Applied genre analysis: a multi-perspective model // Ibérica. 2002. № 4. P. 3–19.
39. Fix U. Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme GmbH, 2008. 506 s.
40. Peeters B. Language and cultural values: the ethnolinguistic pathways model // Flinders University Languages Group Online Review. 2009. Vol. 4, iss. 1, November. P. 90–117.
41. Peeters B. APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? // International Journal of Language and Culture. 2016. Vol. 3, № 2. P. 137–160.
42. Swales J. M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 262 p.
43. Tannen D. Indirectness at Work // Language in Action: New Studies of Language in Society. Festschrift for Roger Shuy / eds. J. Peyton, P. Griffin, W. Wolfram, R. Fasold. Cresskill, NJ: Hampton Press, 2000. P. 189–212.
44. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
45. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012. 40 с.
46. Олешков М. Ю. Педагогический дискурс: учеб. пособие для студентов вузов. Н. Тагил: Нижнетаг. гос. соц.-пед. академия, 2012. 310 с.
47. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 235 с.
48. Титова С. В., Талмо Т. Создание модели интерактивной лекции с помощью мобильной системы голосования SRS // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 49–63.
49. Dönninghaus S. Die Vagheit der Sprache: Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache (Slavistische Studienbücher. Neue Folge). Wiesbaden: Harrassowitz, 2005. 661 S.
50. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Изд. дом «Гребенников», 2000. 270 с. (Сер. Мир рекламы).
51. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
52. Lakoff R. The Language war. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2001. 322 p.
53. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1(55). С. 42–50.
54. Lakoff G. The Political Mind: A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics. N.Y.: Penguin books, 2009. 293 p.
55. Lakoff G., Wehling E. The Little Blue Book: The Essential Guide to Thinking and Talking Democratic. N.Y.: Free Press, 2012. 143 p.
56. Madrigal A. C. Why Are Spy Researchers Building a 'Metaphor Program' ? // The Atlantic. 2011. 25 May.
57. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ: Филол. фак., 2012. 274 с.
58. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 26–37.
59. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 430 с.
60. Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness // Journal of Pragmatics. 2010. № 42. P. 307–316.
61. Цицицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 238 с.
62. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication // The Rutledge handbook of language and digital communication / eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. L.: Rutledge, 2015. URL: <http://info.ils.indiana.edu/herring/hldc.pdf> (дата обращения: 06.07.2015).
63. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
64. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? // Genre Theory from a Multi-modal Perspective. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. University of Hawaii at Manoa, 2005. P. 120–141.
65. Ihlstrom C. The Evolution of a New(s) Genre: Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University. Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.
66. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта; Наука, 2012. 328 с.
67. Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2(12). С. 119–127.
68. Орлов Д. В. Субкультура ролевиков в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2009. 22 с.
69. Crawford G., Rutter J. Playing the Game: Performance and Digital Game Audiences // Fandom: Identities and Communities in a Mediated World / eds.

- J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington. L.: New York University Press, 2007. P. 271–281.
70. *Drachen A., Smith J. H.* Player Talk: The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games // *Computers in Entertainment*. 2008. Vol. 6, № 4. P. 1–36.
71. *Falcão T., Ribeiro J. C.* The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. P. 130–140.
72. *MacCallum-Stewart E.* Conflict, Thought Communities and Textual Appropriation in MMORPGs // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. 40–59.
73. *Mangiron C., O' Hagan M.* Game Localisation: Unleashing Imagination with 'Restricted' Translation // *Journal of Specialised Translation*. 2006. Vol. 6. P. 10–21. URL: http://www.jostrans.org/issue06/art_ohagan_utf_test.php.
74. *Mangiron C.* Video Games Localisation: Posing New Challenges to the Translator // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2007. Vol. 14, № 4. P. 306–323.
75. *Mangiron C.* The Importance of Not Being Earnest: Translating Humour in Video Games // *Translation, Humour and the Media* / ed. D. Chiaro. L.: Continuum Publishing Group, 2010. 89–107.
76. *Salen K., Zimmerman E.* Rules of Play: Game Design Fundamentals. L.: MIT Press, 2004. 688 p.
77. *Drachen A.* Analyzing Player Communication in Multiplayer Games // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. P. 201–223.
78. *Burn A., Carr D.* Motivation and Online Gaming // *Computer Games: Text, Narrative and Play* / eds. A. Burn, D. Carr. Cambridge: Polity Press, 2006. P. 103–118.
79. *Caillois R.* Man, Play and Games. Urbana: University of Illinois, 2001. 208 p.
80. *Taylor T. L.* Pushing the Borders: Player Participation and Game Culture // *Structures of Participation in Digital Culture* / ed. J. Karaganis. N.Y.: SSRIC, 2007. P. 112–130.
81. *Bernal M. M.* On the Translation of Video Games // *The Journal of Specialised Translation*. 2006. Vol. 6, № 22–36. P. 22–36. URL: http://www.jostrans.org/issue06/art_bernal.php.
82. *Iaia P. L.* Analysing English as a Lingua Franca in Video Games: Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.
83. *MacKenzie I.* Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation // *The European English Messenger*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 47–53.
84. *Cogburn J., Silcox M.* Philosophy through Video Games. L.: Routledge, 2009. 207 p.
85. *Crawford G. C., Gosling V. K., Light B.* The Social and Cultural Significance of Online Gaming // *Online Gaming in Context: The Social and Cultural Significance of Online Games* / eds. G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light. L.: Routledge, 2011. P. 3–22.
86. *Juul J.* Half-Real: Video Games between Real Rules and Fictional Worlds. Cambridge: MIT Press, 2005. 255 p.
87. *Mäyrä F.* Introduction to Game Studies: Games in Culture. N.Y.: SAGE Publications, 2008. 208 p.
88. *McMahan A.* Second Life: The Game of Virtual Life // *Videogame, Player, Text* / eds. B. Atkins, T. Krywinka. Manchester: Manchester University Press, 2007. P. 131–146.
89. *Newman J.* In Search of the Video Game Player: The Lives of Mario // *New Media and Society*. 2002. Vol. 4, № 3. P. 407–425.
90. *Nielsen S. E., Smith J. H., Tosca S. P.* Understanding Video Games: The Essential Introduction. L.: Routledge, 2008. 302 p.
91. *Taylor T. L.* Play between Worlds: Exploring Online Game Culture. Cambridge: MIT Press, 2006. 197 p.
92. *Wright T., Boria E., Breidenbach P.* Creative Player Actions in FPS On-line Video Games: Playing Counter-strike // *Game Studies*. 2002. Vol. 2, № 2. URL: <http://www.gamestudies.org/0202/wright/>.
93. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
94. *Строганов М. В.* Историческая поэтика: учеб. пособие / науч. ред. А. Ю. Сорочан. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. 157 с.
95. *Дементьев В. В.* Структура заимствованных коммуникативных концептов (на материале анкетирования) // *Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина* / отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М.; Саратов: Амирит, 2015. 343 с. С. 201–211.
96. *Дементьев В. В.* Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2016. 396 с.
97. *Прозоров В. В.* Профессионально-критическое высказывание как речевой жанр // *Жанры речи*. 2018. № 3(19). С. 195–202.
98. *Дементьев В. В.* Цепочки речевых коммуникативных значений: лексикализация и грамматикализация звеньев // *Взаимодействие лексики и грамматики: тез. докл. междунар. конф. Двенадцатые Шмелевские чтения (Москва, 24–26 февраля 2018 г.)*. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 20–21.
99. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
100. *Рогачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 215 с.
101. *Щурина Ю. В.* Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // *Коммуникация. Мышление. Личность: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. И. Н. Горелова и К. Ф. Седова*. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 464–474.
102. *Щурина Ю. В.* Речевые жанры комического в современной массовой коммуникации. Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2015. 223 с.
103. *Седов К. Ф.* Речевая идентичность как компонент коммуникативной компетенции личности // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 25–47.
104. *Вежбицкая А., Годдард К.* Дискурс и культура // *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 118–156.
105. *Ермакова О. П.* Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // *Жанры речи*. 2014. № 1–2(9–10). С. 74–80.

106. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка : попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi [«Speech genre» theory and actual processes in contemporary speaking]. *Voprosy Yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).
2. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1972, vol. 6. *Yazykovyye kontakty* [Language contacts]. 536 p. (in Russian).
3. Barannikova L. I. O sootnoshenii sistemnogo i diakhronicheskogo podkhodov k yazyku (k istorii voprosa) [On the relationship of systemic and diachronic approaches to language (to the history of the issue)]. *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1997, iss. 11, pp. 3–6 (in Russian).
4. Saussure F. de. *Trudy po yazykoznaniju* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p. (in Russian).
5. Bakhtin M. M. Problema rechevnykh zhanrov. Iz arkhivnykh zapisei k rabote “Problema rechevykh zhanrov”. Problema teksta [The problem of speech genres. From archival records to the work “The problem of speech genres”. Text problem]. *Bakhtin M. M. Sobr. soch. : v 5 t.* [Collected works : in 7 vol.]. Vol. 5. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
6. Sorokin Yu. S. *Razvitiye slovnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka : 30–90-ye gg. XIX v.* [The development of the vocabulary of the Russian literary language : 30–90-ies. XIX century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p. (in Russian).
7. Sen'ko Ye. V. *Neologizatsiya v sovremennom russkom yazyke : mezhurovnevnyy aspekt* [Neologization in modern Russian : inter-level aspect]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007. 354 p. (in Russian).
8. Milroy J. *Linguistic variation and change : On the hist. linguistics of English*. Oxford, Cambridge, Blackwell, 1992. 243 p.
9. Lafarg P. *Yazyk i revolyutsiya* [Language and revolution]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1930. 74 p. (in Russian).
10. Rathmayr R. *Russkaya rech' i rynek. Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and market. Traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 456 p. (Studia Philologica) (in Russian).
11. Abrahams R. D. *Black Talking on the Streets. Explorations in the Ethnography of Speaking. Chapter IV: Speech Acts, Events, and Situations*. New York, Cambridge University Press, 1974, pp. 240–262.
12. Sirotnina O. B. *Russkij yazyk : sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian language : system, language usage and the risks they create]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 116 p. (in Russian).
13. Averintsev S. S. *Istoricheskaya podvizhnost' kategoriy zhanra : opyt periodizatsii* [Historical mobility of categories of the genre : the experience of periodization]. *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical poetics. Results and prospects of study]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116 (in Russian).
14. Hanks W. F. Dialogic conversions and the field of missionary discourse in Colonial Yucatan. In: *Les Rituels du Dialogue*. A. Monod Becquelin & Philippe Erikson (ed.). Nanterre, Société d'Ethnologie, 2000, pp. 235–254.
15. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* [Speech Genres ‘small talk’ and ‘svetskaya beseda’ in the Anglo-American and Russian cultures]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2005. 20 p. (in Russian).
16. Alpatov V. M. *Zaimstvovaniya iz angliyskogo yazyka i zhanrovye osobennosti v yaponskom yazyke* [Borrowing from the English language and genre features in Japanese]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr. Vyp 5. Zhanr i kultura* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 5. Genre and culture]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2007, pp. 345–351 (in Russian).
17. Mustajoki A. Title Risks of miscommunication in various speech genres. In: *Understanding by Communication*. E. Borisova, O. Souleimanova eds., Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013, pp. 33–53.
18. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX century)]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 1994. 558 p. (in Russian).
19. Starobinskiy Zh. *Poeziya i znaniye : Istoriya literatury i kul'tury : v 2 t. T. 1.* [Poetry and knowledge : History of literature and culture. Vol. 1]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 496 p. (in Russian).
20. Karasik V. I. *Yazykovaya matrica kul'tury* [Language matrix of culture]. Volgograd, Paradigma Publ., 2012. 448 p. (in Russian).
21. Karasik V. I. *Yazykovoye proyavleniye lichnosti* [Language manifestation of personality]. Volgograd, Paradigma Publ., 2014. 450 p. (in Russian).
22. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral' : tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral : values, symbols, motives]. Volgograd, Paradigma Publ., 2015. 432 p. (in Russian).
23. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Yazykovoye sushchestvovaniye sovremennoy gorozhanina : Na materialy yazyka Moskvy* [The linguistic existence of the modern city dweller : On the material of the language of Moscow]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010. 496 p. (Studia philologica) (in Russian).
24. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 480 p.
25. Sirotnina O. B. Lingvo-philosophical reflections as a result of many years of speech monitoring. *Izv. Saratov. Univ. (N.S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 1, iss. 17, pp. 5–11 (in Russian).
26. Sklyarevskaya G. N. *Tolkovyy slovar' sovremennoy russkoy yazyka. Yazykovyye izmeneniya kontsa XX stoletiya* [Explanatory Dictionary of Modern Russian Language. Language changes end of XX century]. Moscow, Astrel' Publ., 2001. 944 p. (in Russian).
27. *Sovremennyy russkiy yazyk : Aktivnyye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian language : Active processes at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2008. 712 p. (in Russian).
28. *Gatunki mowy i ich ewolucja*. T. 1. *Mowy piekno wielorakie*, Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2000; T. 2. *Tekst a gatunek*. Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2004; T. 3. *Tekst a odmiany funkcjonalne*. Katowice, Wydaw. Uniwersytetu Śląskiego, 2007.

29. Herring S. C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. *Language@Internet*, 2007, no. 4, Article 1. Retrieved April 26, 2009. Available at: <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>.
30. Alpatov V. M. O dvukh «detskikh boleznyakh» sovremennoj lingvistiki : yazyk, ideologiya, rechevye zhanry [About two «childhood diseases» of modern linguistics (language, ideology, speech genres)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1–2(9–10), pp. 9–15 (in Russian).
31. Demytyev V. V. Aspekty problemy «zhanr i yazyk»: zhanry rechi i... «yazyk rechi»? [Aspects of the problem “genre and language”: the genres of speech and ... “language of speech”?]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr. Vyp. 6. Zhanr i yazyk* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 6. Genres and language]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2009, pp. 5–22 (in Russian).
32. Demytyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, GlobalKom, Yazyk slavyanskoj kul'tury Publ., 2013. 336 p. (Studia philologica) (in Russian).
33. Kopotev M., Mustayoki A. *Sovremennaya korpusnaya rusistika* [Modern corpus Russistics]. In: *Instrumentarij rusistiki : korpusnyye podkhody* [Instrumentation of Russistics : corpus approaches]. Helsinki, Helsinki University Press, 2008 (Slavica Helsinkiensia, no. 34), pp. 7–24 (in Russian).
34. Sherstyanykh I. V. *Teoriya rechevykh zhanrov : Lektsionno-prakticheskiy kurs dlya magistrantov* [Theory of speech genres : Lecture and practical course for magistrates]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 552 p. (in Russian).
35. Adamzik K. *Textsorten – Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. Münster, Nodus Publ., 1995. 301 S. (Studium Sprachwissenschaft. 12).
36. Automatic Genre Identification 2009 – Journal for Language Technology and Computational Linguistics, 2009, vol. 24, no. 1, Automatic Genre Identification : Issues and Prospects.
37. Bhatia V. K. *Analysing Genre : Language Use in Professional Settings*. London, Longman, 1993. 246 p.
38. Bhatia V. K. Applied genre analysis : a multi-perspective model. *Ibérica*, 2002, no. 4, pp. 3–19.
39. Fix U. *Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin, Frank & Timme GmbH, 2008. 506 p.
40. Peeters B. Language and cultural values : the ethno-linguistic pathways model. *Flinders University Languages Group Online Review*, 2009, vol. 4, iss. 1, November, pp. 90–117.
41. Peeters B. APPLIED ETHNOLINGUISTICS is cultural linguistics, but is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 137–160.
42. Swales J. M. *Genre Analysis : English in Academic and Research Settings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 262 p.
43. Tannen D. Indirectness at Work. *Language in Action : New Studies of Language in Society, Festschrift for Roger Shuy*, eds. Joy Peyton, Peg Griffin, Walt Wolfram and Ralph Fasold. Cresskill, NJ, Hampton Press, 2000, pp. 189–212.
44. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyy diskurs : rechevye povedeniye sud'i* [Judicial discourse : speech behaviour of a judge]. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Saratov, 2010. 351 p.
45. Palashevskaya I. V. *Sudebnyy diskurs : funktsii, struktura, narrativnost'* [Judicial discourse : functions, structure, narrativity]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2012. 40 p. (in Russian).
46. Oleshkov M. Yu. *Pedagogicheskiy diskurs : Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov* [Pedagogical discourse : Textbook. manual for university students]. Nizhniy Tagil, Nizhnetag. gos. sots.-ped. akademiya, 2012. 310 p. (in Russian).
47. Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funktsionalno-stilisticheskom osveshhenii (Russkiy nauchnyy akademicheskij tekst)* [Genres of speech in the functional-stylistic interpretation (Russian scientific academic text)]. Perm', Izd-vo Perm. un-ta, 2002. 235 p.
48. Titova S. V., Talmo T. Sozdaniye modeli interaktivnoy lektsiyi s pomoshch'yu mobil'noy sistemy golosovaniya SRS [Developing an interactive lecture model with the help of a mobile SRS voting system]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herald of the Moscow State University]. Series 19 : Linguistics and intercultural communication, 2015, no. 3, pp. 49–63 (in Russian).
49. Dönninghaus S. *Die Vagheit der Sprache : Begriffsgeschichte und Funktionsbeschreibung anhand der tschechischen Wissenschaftssprache (Slavistische Studienbücher. Neue Folge)*. Wiesbaden, Harrassowitz, 2005. 661 S.
50. *Reklamnyy tekst : semiotika i lingvistika. Ser. Mir reklamy* [Promotional text : semiotics and linguistics. Ser. World of Advertising]. Moscow, Izd. dom Grebennikov, 2000. 270 p. (in Russian).
51. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 326 p.
52. Lakoff R. *The Language war*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2001. 322 p.
53. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information and psychological warfare : on the rationale and definition of the concept]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2016, no. 1(55), pp. 42–50 (in Russian).
54. Lakoff G. *The Political Mind : A Cognitive Scientist's Guide to Your Brain and Its Politics*. New York, Penguin books, 2009. 293 p.
55. Lakoff G., Wehling E. *The Little Blue Book : The Essential Guide to Thinking and Talking Democratic*. New York, Free Press, 2012. 143 p.
56. Madrigal A. C. Why Are Spy Researchers Building a ‘Metaphor Program’? *The Atlantic*. 2011. 25 May.
57. Duskajeva L. R. *Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of the newspaper speech genres]. Saint Petersburg, SPbGU, Philol. fakultet, 2012. 274 p. (in Russian).
58. Shmeleva T. V. Zhanr v sovremennoy mediasfere. [Genre in contemporary media sphere] *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 8* [Speech Genres : coll. of sci. art. Iss. 8]. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 26–37 (in Russian).
59. Borisova I. N. *Russkiy razgovornyy dialog : struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue : the structure and dynamics]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2001. 430 p. (in Russian).

60. Tannen D. Abduction and identity in family interaction : Ventriloquizing as indirectness. *Journal of Pragmatics*, 2010, no. 42, pp. 307–316.
61. Shchepitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuternoposredovannoy kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangelsk, Pomeranian University, 2009. 238 p. (in Russian).
62. Herring S. C. New frontiers in interactive multimodal communication. In: *The Rutledge handbook of language and digital communication*. Eds. A. Georgopoulou, T. Spilloti. London, Routledge, 2015. Available at: <http://info.ils.indiana.edu/herring/hldc.pdf> (accessed 06 July 2015).
63. Crystal D. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 272 p.
64. Askehave I., Nielsen A. What are the Characteristics of Digital Genres? *Genre Theory from a Multi-modal Perspective*. Proceedings of the 38th Hawaii International Conference on System Sciences. University of Hawaii at Manoa, 2005, pp. 120–141.
65. Ihlstrom C. *The Evolution of a New(s) Genre* : Doctoral Dissertation. School of Information Science, Computer and Electronic Engineering, Halmstad University; Department of Informatics, Goteborg University, Gothenburg Studies in Informatics, 2004. 164 p.
66. *Internet-kommunikatsiya kak novaya rechevaya formatsiya* [Internet communication as a new speech formation.]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 328 p. (in Russian).
67. Goroshko Ye. I., Polyakova T. L. K postroyeniyu tipologii zhanrov sotsial'nykh mediy [To the construction of a typology of social media genres]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2015, no. 2(12), pp. 119–127 (in Russian).
68. Orlov D. V. *Subkul'tura rolevikov v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Role-playing subculture in modern Russian society]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Sociol.). Saratov, 2009. 22 p. (in Russian).
69. Crawford G., Rutter J. Playing the Game : Performance and Digital Game Audiences. In: J. Gray, C. Sandvoss, C. L. Harrington, eds. *Fandom : Identities and Communities in a Mediated World*. London, New York University Press, 2007, pp. 271–281.
70. Drachen A., Smith J. H. Player Talk : The Functions of Communication in Multi-player Role-playing games. *Computers in Entertainment*, 2008, vol. 6, no. 4, pp. 1–36.
71. Falcão T., Ribeiro J. C. The Whereabouts of Play, or How the Magic Circle Helps Create Social Identities in Virtual Worlds. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 130–140.
72. MacCallum-Stewart E. Conflict, Thought Communities and Textual Appropriation in MMORPGs. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 40–59.
73. Mangiron C., O'Hagan M. Game Localisation : Unleashing Imagination with 'Restricted' Translation. *Journal of Specialised Translation*, 2006, no. 6, pp. 10–21. Available at: http://www.jostrans.org/issue06/art_ohagan_utf_tes_t.php.
74. Mangiron C. Video Games Localisation : Posing New Challenges to the Translator. *Perspectives : Studies in Translatology*, 2007, vol. 14, no. 4, pp. 306–323.
75. Mangiron C. The Importance of *Not* Being Earnest : Translating Humour in Video Games. In: D. Chiaro, ed. *Translation H. and the Media*. London, Continuum Publishing Group, 2010, pp. 89–107.
76. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play : Game Design Fundamentals*. London, MIT Press, 2004. 688 p.
77. Drachen A. Analyzing Player Communication in Multiplayer Games. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011, pp. 201–223.
78. Burn A., Carr D. Motivation and Online Gaming. In: A. Burn, D. Carr, eds. *Computer Games : Text, Narrative and Play*. Cambridge, Polity Press, 2006, pp. 103–118.
79. Caillois R. *Man, Play and Games*. Urbana, University of Illinois, 2001. 208 p.
80. Taylor T. L. Pushing the Borders : Player Participation and Game Culture. In: J. Karaganis, ed. *Structures of Participation in Digital Culture*, New York, SSRC, 2007, pp. 112–130.
81. Bernal Merino M. On the Translation of Video Games. *The Journal of Specialised Translation*, 2006, vol. 6, pp. 22–36. Available at: http://www.jostrans.org/issue06/art_bernal.php.
82. Iaia P. L. *Analysing English as a Lingua Franca in Video Games : Linguistic Features, Experiential and Functional Dimensions of Online and Scripted Interactions*. Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2016. 139 p.
83. MacKenzie I. Lexical Inventiveness and Conventionality in English as a Lingua Franca and English Translation. *The European English Messenger*, 2013, vol. 22, no. 1, pp. 47–53.
84. Cogburn J., Silcox M. *Philosophy through Video Games*. London, Routledge, 2009. 207 p.
85. Crawford G. C., Gosling V. K., Light B. The Social and Cultural Significance of Online Gaming. In: G. Crawford, V. K. Gosling, B. Light, eds. *Online Gaming in Context : The Social and Cultural Significance of Online Games*. London, Routledge, 2011. pp. 3–22.
86. Juul J. *Half-Real : Video Games between Real Rules and Fictional Worlds*. Cambridge, MIT Press, 2005. 255 p.
87. Mäyrä F. *Introduction to Game Studies : Games in Culture*. New York, SAGE Publications, 2008. 208 p.
88. McMahan A. *Second Life : The Game of Virtual Life*. In: B. Atkins, T. Krywinska, eds. *Video game, Player, Text*. Manchester, Manchester University Press, 2007, pp. 131–146.
89. Newman J. In Search of the Video Game Player : The Lives of Mario. *New Media and Society*, 2002, vol. 4, no. 3, pp. 407–425.
90. Nielsen S. E., Smith J. H., Tosca S. P. *Understanding Video Games : The Essential Introduction*. London, Routledge, 2008. 302 p.
91. Taylor T. L. *Play between Worlds : Exploring Online Game Culture*. Cambridge, MIT Press, 2006. 197 p.
92. Wright T., Boria E., Breidenbach P. Creative Player Actions in FPS On-line Video Games : Playing Counterstrike. *Game Studies*, 2002, vol. 2, no. 2. Available at: <http://www.gamestudies.org/0202/wright/>.
93. Schaeffer Jean-Marie. *Chto takoye literaturnyy zhanr?* [What is the literary genre?]. Moscow, Yeditorial URSS, 2010. 192 p. (in Russian).
94. Stroganov M. V. *Istoricheskaya poetika / nauch. red. A. Yu. Sorochan* [Historical poetics / Sci. ed.

A. Yu. Sorochan]. Tver', Tverskoy gos. un-t, 2007. 157 p. (in Russian).

95. Dementyev V. V. *Struktura zaimstvovannykh kommunikativnykh kontseptov (na materiale anketirovaniya)* [The structure of borrowed communicative concepts (on the material of the survey)]. In: *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur : K 80-letiyu V. Ye. Gol'dina* [Language in the space of speech cultures : On the 80th anniversary of V. Ye. Goldin]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2015, pp. 201–211 (in Russian).

96. Dementyev V. V. *Rechezhanrovyye kommunikativnyye tsennosti v novykh i noveyshikh sferakh russkoy rechi* [Speech genre communicative values in the new and newest spheres of Russian speech]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016. 396 p. (in Russian).

97. Prozorov V. V. Professional'no-kriticheskoye vyskazyvaniye kak rechevoy zhanr [Professional critical statement as a speech genre]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2018, no. 3(19), pp. 195–202 (in Russian).

98. Dementyev V. V. Tsepochki rechezhanrovoy sistemnosti : leksikalizatsiya i grammatikalizatsiya zven'ev [Chains of reverbing systemism : lexicalization and grammaticalization of links]. *Vzaimodeystviye leksiki i grammatiki : Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii Dvenadtsatyye Shmelevskiyе chteniya (24–26 fevralya 2018 g.)* [Interaction of vocabulary and grammar : Abstracts of the international conference The Twelfth Shmelev Readings (February 24–26, 2018)]. Moscow, In-t Russian language by V. V. Vinogradov RAS, 2018, pp. 20–21.

99. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p.

100. Rogachova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech

genres]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Saratov, 2011. 252 p. (in Russian).

101. Shchurina Yu. V. *Vtorichnye komicheskie rechevye zhanry internet-kommunikatsii* [Secondary comic speech genres of Internet communication]. In: *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost : materialy mezhdunar. nauch. konf. pamyati I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality : materials of international scientific conference dedicated to I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, ITS "Nauka" Publ., 2012, pp. 464–474 (in Russian).

102. Shchurina Yu. V. *Rechevye zhanry komicheskogo v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [Speech Genres of comic in modern mass communication]. Chita, Transbaikalian gos. un-t, 2015. 223 p.

103. Sedov K. F. Rechezhanrovaya identichnost' kak komponent kommunikativnoy kompetentsii lichnosti [Speech genre identity as a component of the communicative competence of the individual]. *Zhanry rechi : sb. nauch. st. Vyp. 7* [Speech Genres : col. of sci. art. Iss. 7], 2011, iss. 7, pp. 25–47 (in Russian).

104. Wierzbicka A., Goddard K. *Diskurs i kul'tura* [Discourse and Culture]. *Zhanry rechi : sb. nauch. tr.* [Speech Genres : coll. of sci. art.]. Saratov, 2002, iss. 3, pp. 118–156 (in Russian).

105. Ermakova O. P. *Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii)* [Is irony a speech genre? (once again, about some features of irony)]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1–2(9–10), pp. 74–80.

106. Apresyan Yu. D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka : popytka sistemnogo opisaniya* [The image of the person according to language : an attempt to describe the system]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language]. 1995, no. 1, pp. 37–67.

Статья поступила в редакцию 23.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В. Жанры в меняющемся мире : креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

For citation

Dementyev V. V. Genres in Changing World : Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>